

УДК 330.834:339(1-87)

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Б.А. Игамбердиев

Рассматривается развитие доктрины «шоковой терапии» как элемента неоклассической экономической теории, примененного впоследствии во многих развивающихся странах и на постсоветском пространстве, способствовавшего провалу тех экономик, где она была применена.

Ключевые слова: доктрина; шоковая терапия; развивающиеся страны; мультинациональные корпорации.

INTERNATIONAL ASPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN FOREIGN STATES

B.A. Igamberdiev

The article investigates the development of the “shock therapy” doctrine as an element of neoclassical economic theory, applied in many developing and post-Soviet countries and capacitated to the fail of those economies.

Key words: doctrine; shock therapy; developing countries; multinational corporations.

Могла ли экономическая теория, примененная в Кыргызстане, привести к успеху, в чем причины ее принятия, какие были у нас альтернативы – это важные вопросы сегодняшнего дня. Рассматривать их вне мировой конъюнктуры – совершенно бессмысленное занятие.

Несмотря на то, что корни экономической политики, применявшейся в КР в последние годы, уходят к Адаму Смиту, новый этап развития теории, способствовавший повторному ее приходу в жизнь (возрождению), относится к XX веку, а точнее – его второй половине. Основополагающей базой для этого послужила Чикагская школа экономики (идеи которой позднее были названы «рыночным фундаментализмом») и, в частности, Милтон Фридман.

Апробирование же доктрина проходила в условиях «Южного Конуса», быстроразвивающихся и, соответственно, представляющих угрозу для интересов США, протекционистски ориентированных стран Латинской Америки 1960–1970-х гг., в число которых входили Чили, Аргентина, Бразилия, Уругвай. Следующим этапом был 1989 г., в котором было отмечено применение идей в Польше, а затем – в Китае. Кульминационным моментом эксперимента стал развал Советского Союза. Это можно было объявить торжеством капиталистической идеологии и даже «концом истории» – мо-

ментом, когда в мире не осталось конкурирующих идеологий.

Вторая Мировая война послужила еще большим примером необходимости борьбы с бедностью и повышения роли государства, поскольку нацизм развился в Германии вследствие послевоенного (Первой мировой войны) опустошающего экономического кризиса. Вторая мировая война также продемонстрировала значительный потенциал эффективности государства в осуществлении экономической деятельности.

После Второй мировой войны, перед лицом коммунистической угрозы и вследствие опасений возрождения фашизма начинает восстанавливаться Европа, выстраиваются основы социальной защиты в США, система всеобщего медицинского обеспечения в Канаде, усовершенствуется система социальной защиты в Великобритании, Франции, Германии. Дано разрешение на формирование профсоюзов, защищающих права рабочих. За относительно короткое время значительно возрастают доходы населения.

В 1950–1960-х гг. прослеживается явный успех «Экономики развития» (Development economics) в странах «Южного Конуса» в Латинской Америке (Чили, Аргентина, Уругвай, Бразилия). На это оказывает немалое влияние Экономическая комиссия по Латинской Америке при

ООН (UN Economic Commission for Latin America) под руководством Пауля Пребиша, базирующаяся в Сантьяго (Чили) с 1950 по 1963 г.). Происходит построение национально-ориентированных экономик со строительством дорог, новых предприятий, ограничением импорта посредством тарифной политики, подобно той, что проводилась Хуаном Перроном в Аргентине. По многим экономическим показателям страны «Конуса» приблизились к европейскому и североамериканскому уровню, значительно превзойдя остальную часть Южной Америки, в том числе и по социальной защите, количеству грамотных (например, в Уругвае было 95 % грамотных, что превосходило показатели США того периода). Происходит развитие среднего класса; разрыв между богатейшими и беднейшими слоями населения значительно сокращается. Страны "Южного Конуса" становятся символом успешности для развивающихся стран.

Растет также политический вес стран "Южного Конуса", стремящихся к политическому объединению региона. Схожие процессы происходят в Южной Азии и на Среднем Востоке, где, например, Мохаммед Моссадек, лидер Ирана, проводит национально ориентированную экономическую политику, национализировал нефтяную компанию; Ахмед Сукарно, лидер Индонезии, также активно развивает национальную экономику и провозглашает необходимость объединения стран третьего мира в противовес США и СССР.

Все это несет некоторую угрозу как политическим, так и экономическим интересам США, в частности, это негативным образом сказывается на крупных корпорациях, встречающих все возрастающие требования со стороны усиливающихся профсоюзов внутри страны и теряющих свои позиции в развивающихся странах.

Кейнсианская революция, осуществленная против «невидимой руки рынка» ("laissez-faire"), дорого обошлась корпоративному сектору. Восстановление потерянных позиций могло быть решено только лишь посредством контрреволюции против кейнсианства и снижением степени регулирования рынка до преддепрессивного. Создание научно-обоснованной теории было лучшим путем к этому. И именно для этого было создано множество научных и квазинаучных институтов в лидерстве с Чикагской школой, которые стали получать значительную финансовую поддержку со стороны корпоративного мира. Так начинался процесс восстановления утраченных корпорациями позиций.

Идейная борьба проходит как на внутреннем, так и на внешнем поле. Одним из основных идеологов этой борьбы стал великолепный математик и прекрасный оратор, профессор экономики Чикаг-

ской школы Милтон Фридман, начавший идейную борьбу с «большим государством» и кейнсианством.

Основными позициями Фридмана было:

- устранение всех законов, препятствующих аккумуляции капитала;
- продажа всех государственных фондов, которыми могут эффективно управлять корпорации;
- значительное сокращение финансирования социальных программ с сокращением налогов до низкого и равного для всех уровня. При этом корпорации должны обладать правом продажи продуктов своего производства где угодно в мире, причем правительства не должны препятствовать этому, в том числе и посредством поддержки внутреннего производителя. Ограничения относительно минимальной заработной платы должны быть устранены.

История свидетельствует, что со временем идеи Фридмана завоевали доминирующее положение в мировой политике. Это произошло не без участия крупных государств, таких как США. Очевидно, что эти идеи принесли немало страданий многим народам мира.

С того момента, как был принят «новый курс» Рузвельта, трудно было рассчитывать на осуществление какой бы то ни было политики в США, отличной от кейнсианства, что объясняется тем, что население не склонно голосовать против себя и, соответственно, политические деятели предпочитают не воплощать в жизнь непопулярную политику.

Поначалу возможность для экспериментов оставалась лишь на внешнем поле, тем более это соответствовало перекликающимся друг с другом экономическим интересам и интересам национальной безопасности [1]. Так, в 1953 г. после прихода к власти президента Д. Эйзенхауэра происходит переворот в Иране, где Моссадек смещен лояльным шахом. Угроза нефтяным интересам снята. В 1954 г. происходит переворот в Гватемале, осуществленный при помощи ЦРУ в пользу United Fruit Company.

В череде переворотов следующими были Бразилия (1964), где в результате переворота к власти приходит военная хунта во главе с генералом Умберто Бранко, и Индонезия (1965), где вместо ликвидированного, популярного в народе Ахмеда Сукарно во главе становится генерал Сухарто.

Последние перевороты открыли широкие перспективы для апробации новых экономических моделей со всеми прелестями либерализации экономики и «шоковой терапии». Причем шок здесь

был в меньшей мере экономическим. Он был скорее ознаменован массовыми репрессиями против оппонентов режима. Особую жестокость власть проявила в Индонезии, где предварительный шоковый эффект, возникший в результате убийств и насилия, подавил всякое сопротивление.

Пристальное внимание следует обратить на развитие событий в Чили, одного из лидеров экономического развития того времени. Образовательная программа США не дала значительных эффектов в самом Чили, где популярность идей «экономики развития» лишь возрастала. Так, на основании программы по расширению роли государства в экономике, в результате значительной победы на выборах в 1970 г. президентом становится Сальвадор Альенде.

11 сентября 1973 г. под командованием генерала Аугусто Пиночета происходит переворот с показательным расстрелом дворца президента Альенде и последующими репрессиями. Возникший в результате этого шок дал возможность спокойному воплощению в жизнь экономической программы, названной «Brick» и уже подготовленной «Чикаго бойз».

В первые полтора года Пиночет последовательно воплощал в жизнь советы своих экономистов: приватизировал часть предприятий и банков, разрешил новые формы спекулятивных операций, полностью открыл границы для импорта, убрав барьеры, долгие годы защищавшие чилийского производителя, последовательно сокращал расходы на социальную поддержку (за исключением вооруженных сил), устранил ценовой контроль.

Ему были близки параллели с природой: сущность Чикагской школы в том, что такие экономические явления, как спрос и предложение, инфляция и безработица, сопоставляются ею с силами природы, постоянными и неизменными, существующими в совершенном равновесии, в котором предложение реагирует на спрос подобно тому, как приливы реагируют на Луну. Если в экономике наблюдается инфляция, то это непременно потому, что, согласно теории монетаризма Фридмана, по ошибке политиков в систему попало слишком много денег, что и нарушило равновесие. Поскольку экономические системы саморегулируемы и способны поддерживать баланс самостоятельно, то рынок, предоставленный сам себе, способен привести к производству соответствующего количества товаров по соответствующей заработной плате работников цене. Именно эта идиллическая теория, основанная на природной аллегории и вырванная из жизненного контекста, легла в XX столетии в основу провала экономики во многих

странах, в том числе в Чили и Кыргызстане (спустя двадцать лет после событий в Чили).

Как следствие экономической политики Пиночета, в 1973 г. социальные расходы в Чили были урезаны на 10 %, в 1975 г. произошло сокращение социальных расходов еще на 27 %. К 1980 г. они составили 1/2 от социальных расходов при Альенде. Подобные меры известным издательством «The Economist» были названы «Оргией самоистязания» (the orgy of self-mutilation) [2].

За первые годы правления Пиночета было приватизировано более 500 предприятий и банков, причем проданы они были практически за бесценок, поскольку, согласно теории, это было необходимо осуществить как можно быстрее. В первый год реформ экономика сократилась на 15 %, а безработица достигла неслыханных 20 % (по сравнению с 3 % при Альенде) и, несмотря на предсказания Фридмана о ее продолжительности в месяцы, кризис безработицы длился годами.

Инфляция, по самым скромным оценкам, в первый год правления Пиночета достигала 375 %, что в два раза больше абсолютного максимума при Альенде (163 % в 1972 г.). По другим оценкам, например, по подсчетам профессора Гюндера Франка, она составила 508 %, достигнув уровня 1000 % на продукты первой необходимости [3]. Это привело к тому, что 74 % доходов семьи уходило на хлеб, приходилось урезать расходы на такую «роскошь», как молоко или проезд на автобусе до работы (в то время как при Альенде хлеб, молоко и проезд в совокупности составляли 17 % расходов семьи). Общественные школы были заменены ваучерной системой, бесплатная медицина – платной.

Несмотря на тщательное следование экономическим советам, в 1982 г. произошел коллапс экономики. В результате разразившегося экономического кризиса безработица достигла 30 %, страна имела огромный внешний долг (14 млрд долл.). Дальнейшее выживание экономики было обусловлено лишь тем обстоятельством, что «Codelco» – национальная компания, занимавшаяся добычей меди и дававшая 85 % экспортных доходов, не была приватизирована. Затем последовала национализация ряда предприятий, что свидетельствовало о фактическом изменении экономического курса.

К 1988 г., когда экономика стабилизировалась, 45 % населения в стране жило ниже уровня бедности при том, что доходы 10 % самых богатых людей выросли на 83 %. До сих пор история Пиночета в Чили воспринимается как история борьбы богатых с бедными. Даже в 2007 г. Чили оценива-

лась ООН как одна из стран «с наибольшим неравенством», занимая 116-е место из 123 [4].

Проводя параллели между тем, что происходило в 1970–1980-х гг. в Чили и в Кыргызстане после распада СССР, можно обнаружить значительное сходство как по масштабам экономического провала, уровню инфляции и росту безработицы, так и по социальным последствиям вообще, за исключением, пожалуй, отсутствия массового террора в Кыргызстане на заре реформ.

Если вспомнить уже упомянутого выше Гюндара Франка, то он находил теснейшую связь между экономической политикой, проводившейся в Чили, и террором.

Кризис можно не только выдумать или дождаться, но и спровоцировать. Именно такой была стратегия в Чили и Индонезии: шок, порожденный репрессиями и террором со стороны государства, давал возможность для осуществления необходимой экономической политики. Необходимой не столько новым властям, сколько международным корпорациям. И то, что впоследствии, в других странах, шоки стали менее болезненными было результатом дальнейшего развития шоковой доктрины: хорошую базу для этого дал боливийский сценарий: гиперинфляция, вызванная в 1984 г. уничтожением плантаций коки Рейганом и падение экспортной выручки в 2 раза обуславливает, по совету Джеффри Сакса, принятие шоковой терапии. Быстрота, с которой она была осуществлена, парализовала очень активные в Боливии профсоюзы и крестьян: поощрительное отношение США и МВФ способствовало принятию 220 законов, касающихся всех аспектов экономической жизнедеятельности в одном пакете.

Экономический эффект, последовавший за этим: безработица подпрыгнула с 20 до 25–30 % через 2 года, вместо скорейшего оздоровления экономики и сокращения безработицы, обещанных Фридманом; занятость на государственных горнодобывающих компаниях снизилась с 24000 до 6000 чел.; понятие минимальной заработной платы исчезло, реальная же сократилась по истечении 2 лет на 40 %, достигнув 70 % падения позднее; если в 1985 г. доходы на душу населения составляли 845 долл. США, 2 года спустя их уровень снизился до 789 долл. (по измерению Сакса и правительства); произошло значительное расслоение населения по уровню доходов: в 1987 г. крестьяне (кампесинос) имели 140 долл. в год, что составило 1/5 от «среднедушевых». Были утеряны сотни тысяч рабочих мест с пенсионной защитой, с появлением незначительного количества, не обремененных какой бы то ни было социальной поддержкой. С 1983 по 1987 г. количество людей, получавших социальные

гарантии, сократилось на 61 %. Таким был итог боливийской шоковой терапии.

Основным достижением, приписывавшимся Джеффри Саксу в Боливии, стала демонстрация возможности проведения радикальной неолиберальной трансформации в рамках демократических систем, без войны (но с репрессивными мерами по отношению к демонстрантам, о которых никто также не упоминает).

В то время, как Сакс воспринимает в качестве основного достижения возможность подавления гиперинфляции с помощью соответствующих жестких мер, у Дж. Уиллиамсона, влиятельного экономиста правого толка и советника МВФ и ВБ, тщательно изучившего опыт Сакса, появляются куда более далеко идущие выводы: боливийский опыт программы шоковой терапии становится моментом «большого колокола» – прорывом в кампании по проведению доктрины Чикагской школы по всему миру. Непроизвольно Сакс доказал абсолютную верность «кризисной» теории Фридмана, и Боливийская гиперинфляция послужила прекрасным поводом для осуществления программы, политически невыполнимой в нормальных обстоятельствах. При этом следует учитывать, что под предлогом стабилизации неподконтрольного валютного курса оказалось возможным «продать» «драконовскую» шоковую терапию в стране с сильнейшими леворадикальными традициями и милитаризованным трудовым движением, в стране, служившей последним оплотом Че Гевары.

Именно с этой целью в 1989 г. формулируется концепция, названная «Вашингтонским консенсусом» и требовавшая в качестве минимального условия для экономического оздоровления страны перечень, включавший «приватизацию государственных предприятий и устранение барьеров вхождения иностранных компаний. Причем полный перечень напоминал Фридманов неолиберальный триумvirат приватизации, дерегулирования свободной торговли и резкого сокращения государственных расходов. И уже эта тщательно проработанная концепция начинает воплощаться в жизнь сначала в Польше, в 1989 г., а затем и в распавшемся СССР.

Основываясь на опыте Латинской Америки, преподносимом западными СМИ и политическими деятелями как успешном, новые независимые государства, образовавшиеся после распада Советского Союза, наряду со многими другими государствами, охотно начали свои экономические реформы в фарватере Вашингтонского консенсуса, испытывая все «необходимые» шоки трансформации и «самоистязания» беспрекословно и добровольно. Это стало кульминацией развития шоковой

доктрины, и послужило основой экономической несостоятельности этих государств, в число которых попал и Кыргызстан. Альтернативные же направления экономического развития, выраженные в «экономике развития» и институциональной экономике в Кыргызстане, еще не были изучены и их применение оказалось невозможным.

Литература

1. Дуайт Д. Эйзенхауэр. Эдгару Н. Эйзенхауэру, 8 ноября 1954 г., <http://eisenhowermemorial.org/presidential-papers/first-term/documents/1147.sfn>
2. Из газеты «The Economist»/2, 2 февраля 1980 г.
3. Constable and Valenzuela. A Nation of Enemies, 170; Gundar Frank, Economic Genocide in Chile, 26.
4. Field Listing-Distribution of Family Income-Gini Index”, World Factbook 2007. <http://www.cia.gov>